

Научная статья
УДК 343.343.5
DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-176-181

С. 176–181

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Ольга Владимировна Ермакова

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация
ermakova_alt@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4664-582X>

Аннотация. В представленной статье автором доказывается влияние процессов криминализации, конструирования и дифференциации уголовной ответственности на такие конституционные ценности, как права и свободы человека и гражданина. Установление подобной зависимости предопределило требование к законодателю по соблюдению определенных правил при осуществлении таких процессов. В частности, автором предлагается основное внимание уделять обоснованности и своевременности процессов криминализации. Дифференциацию уголовной ответственности целесообразно, по мнению автора, осуществлять только при значительном изменении общественной опасности выделяемой формы деяния. В свою очередь, при конструировании состава преступления акцент должен смещаться на обоснованный отбор обязательных признаков, установление которых возможно осуществлять в практической деятельности.

Ключевые слова: преступление, криминализация, дифференциация уголовной ответственности, конструирование состава преступления

Для цитирования: Ермакова О. В. Соблюдение правил при криминализации деяния и дифференциации уголовной ответственности как гарантии обеспечения прав человека и гражданина // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 176–181. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-176-181

Review article

COMPLIANCE WITH THE RULES FOR CRIMINALIZING AN ACT AND DIFFERENTIATING CRIMINAL LIABILITY AS A GUARANTEE OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS

Olga V. Ermakova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation
ermakova_alt@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-4664-582X>

Abstract. In the presented article, the author proves the influence of the processes of criminalization, construction and differentiation of criminal liability on such constitutional values as the rights and freedoms of man and citizen. The establishment of such a dependence predetermined the requirements for the legislator to comply with certain rules when implementing such processes. In particular, the author proposes to pay primary attention to the validity and timeliness of the criminalization processes. Differentiation of criminal liability is advisable, in the author's opinion, to carry out only with a significant change in the social danger of the identified form of the act. In turn, when constructing the corpus delicti, the emphasis should shift to a reasonable selection of mandatory features, the establishment of which can be carried out in practical activities.

Keywords: crime, criminalization, differentiation of criminal liability, construction of the corpus delicti

For citation: Ermakova OV. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2025;(3):176-181. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-176-181

Введение

Важнейшей конституционной ценностью, охраняемой и гарантированной государством, выступают права человека и гражданина. В рамках уголовного права реализация обозначенной ценности имеет двойное значение, поскольку речь идет не только о лице, совершившем преступление, но и о потерпевшем. Учитывая, что в Российской Федерации уголовное законодательство состоит из Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), то именно от качества его предписаний зависит соблюдение прав граждан. Однако действующий уголовный закон не отличается единообразным построением положений, в результате наблюдаются проблемы в правоприменительной деятельности, а также снижается эффективность предписаний. В результате чего при построении законодательного материала только следование определенным правилам, разработанным уголовно-правовой наукой, позволит реализовать принципы, провозглашенные в ст. 3–7 УК РФ.

Материалы и методы

Нормативную правовую основу исследования образует уголовное законодательство, регламентирующее понятие преступления, а также содержащее исчерпывающий перечень деяний, признаваемых преступными. Принимая во внимание теоретическую основу институтов криминализации, дифференциации уголовной ответственности, конструирования состава преступления, особое место при проведении исследования занимают достижения российской уголовно-правовой науки по обозначенным направлениям. Методологической основой исследования послужил всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений, общенаучные методы исследования, а также частнонаучные методы познания — логико-формальный и системного анализа.

Описание исследования

Права человека и гражданина выступают важнейшей конституционной ценностью, поскольку это те субъектные блага, которые провозглашены и гарантированы основным законом государства. Несмотря на то, что реализация указанных ценностей обеспечивается различными отраслями российского права, уголовное право занимает в общем перечне особую позицию, что объясняется запретительным характером предписаний уголовного закона и возможностью применения к лицам, их нарушившим, мер государственного принуждения.

Положения Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), определяющие преступность деяния, наказуемость и осуществляемая на этой основе судебная и следственная деятельность, напрямую связаны с обеспечением прав человека и гражданина. Именно поэтому как к качеству процессов криминализации, пенализации, дифференциации ответственности, так и к толкованию правоприменителями норм закона придается особое значение. Причем построение законодательного мате-

риала и его последующее применение находятся в четкой зависимости, следовательно, интерес представляет проведение исследования, направленного на изучение обоснованности введения того или иного уголовно-правового запрета, определение соответствия предложенной законодателем конструкции конкретного состава преступления правилам юридической техники, целесообразности осуществления дифференциации уголовной ответственности.

Для решения поставленной задачи проанализируем современное состояние уголовного закона. Особенная часть УК РФ содержит исчерпывающий перечень деяний, которые, по мнению законодателя, обладают всеми признаками, присущими преступлению, вследствие чего нуждаются в криминализации.

Полагаем, что при анализе процесса криминализации особое внимание необходимо уделять 2 показателям:

1. Обоснованность объявления деяния в качестве преступления — для оценки данного показателя наукой уголовного права разработаны основания и условия криминализации. Однако в этой части следует отметить, что в настоящее время единство взглядов в научной литературе по указанному вопросу отсутствует.

Л. М. Прокументов выделяет единственное основание криминализации — общественную опасность деяния. Условия же криминализации автор предлагает подразделять на экономические, политические, социально-психологические, криминологические; научно-технический прогресс [1, с. 46–82].

А. И. Коробеев указывает на необходимость подразделения оснований криминализации на: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические (среди них упоминает — степень общественной опасности, относительную распространенность деяний и их типичность и т. д.) [2, с. 76–78]. Очевидно, что, несмотря на некую терминологическую разобщенность в наименованиях, в представленных перечнях имеет место и схожесть в выделяемых видах.

Кроме того, процесс криминализации не может существовать изолированно от понятия преступления, поскольку именно в ч. 1 ст. 14 УК РФ содержатся основные требования, предъявляемые к введению деяния в число преступных (это общественная опасность, запрещенность уголовным законом, виновность, наказуемость, выраженность в определенных формах действия или бездействия).

На основании анализа предлагаемых в научной литературе оснований криминализации, а также положений ч. 1 ст. 14 УК РФ можно сделать вывод, что центральное место при введении уголовно-правового запрета должно отводиться установлению общественной опасности деяния.

На протяжении нескольких десятков лет ученые так и не смогли выработать единое понимание общественной опасности, а также четкие критерии для ее определения. Наибольшее распространение получила

точка зрения, в соответствии с которой общественная опасность включает в себя не только причиненный совершением деяния вред определенным общественным отношениям, но и угрозу его наступления [3, с. 25–32]. Однако, принимая во внимание позицию российского законодателя по приданию материальному признаку преступления особого статуса, а также учитывая ключевую роль установления общественной опасности как водораздела между преступным и не преступным (а этот вопрос непосредственно затрагивает права человека и гражданина), целесообразным видится закрепление рассматриваемого понятия в самом уголовном законе (как это производилось в УК РСФСР 1922 и 1926 г.).

Следует отметить, что действующая редакция преступления, предполагающая ограничение выражения деяния во внешнем мире определенными формами, существенно отличается от ранее существовавших воззрений, в соответствии с которыми «суду подлежали все дурные помышления...» [4, с. 43].

Несмотря на обозначенные правила криминализации (как выработанные научной общественностью, так и прямо закрепленные в ч. 1 ст. 14 УК РФ), в действующем законе содержатся преступления, которые с сомнением можно признать соответствующими данным требованиям.

В частности, наблюдается включение таких форм преступного деяния, которые по своей сущности не являются ни действием, ни бездействием. Например, в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. По своей сути, законодатель объявил преступным обнаружение умысла, а не конкретные действия (бездействие).

Аналогично, нельзя признать действием или бездействием деяние, обозначенное в ст. 210¹ УК РФ — занятие высшего положения в преступной иерархии, которое предусматривает наказание за наличие у лица определенного статуса в криминальной среде. Полагая, существование подобных преступлений в уголовном законе противоречит предписаниям ст. 14 УК РФ и требует их декриминализации.

В этой части необходимо отметить, что расширенный подход к пониманию форм преступных деяний уже имел место в советский период времени. Так, в соответствии со ст. 22 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. преступными признавались связи с преступной средой. Однако в последствие такое преступление было декриминализовано.

Учитывая, что именно уголовный закон является единственным источником уголовного права и регулятором уголовно-правовых отношений, то соблюдение его положений самим же законодателем при осуществлении процесса криминализации преступлений — это важнейшая гарантия соблюдения прав человека и гражданина, следовательно, какие-либо отступления от положений ст. 14 УК РФ недопустимы.

2. Своевременность реакции государства на существование того или иного поведения, причиняющего вред общественным отношениям.

В идеале при прогнозировании преступности законодатель должен заблаговременно обладать инструментами для предупреждения общественно опасного поведения. Однако, как показывает практика внесения изменений в положения уголовного закона, на самом деле реакция государства следует уже на сформировавшееся угрожающее общественным отношениям действие (бездействие). Иначе говоря, преступление вводится в статус позже появления потребности в соответствующем регулировании. К примеру, распространение массовых самоубийств, при отсутствии способов, закрепленных в ст. 110 УК РФ, предопределили реакцию государства и введение ст. 110¹–110² УК РФ.

Кроме того, анализ уголовного закона позволяет выявить такие факты, что даже при наличии пробелов в регулировании, не всегда изменения вносятся своевременно. Например, в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности избранное законодателем в составах преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, подразделение действий на половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера не соблюдается в ст. 134 УК РФ. В частности, несмотря на упоминание иных действий в названии статьи, в диспозиции они не нашли свое закрепление.

В научной литературе на указанный пробел неоднократно обращалось внимание. Например, Н. В. Тыдыкова утверждает, что «наименование статьи 134 УК РФ шире ее содержания» [5, с. 55]. Несмотря на критические замечания, с момента принятия УК РФ ситуация не изменилась, и соответствующие изменения не были приняты. Такое положение, безусловно, нарушает права потерпевших лиц и препятствует реализации принципов законности и справедливости.

Отдельно следует указать на тенденцию к увеличению количества законопроектов относительно криминализации того или иного поведения. Однако большинство из них не отличается проработанностью (в том числе и с позиции теории криминализации). Так, в апреле 2025 г. в Государственную Думу РФ было внесено предложение о введении уголовной ответственности дропперов. Думается, принятие данных изменений требует системного соотнесения с уже сложившейся системой Особенной части УК РФ и существующими предписаниями. В частности, в приведенном примере, прежде чем реализовывать подобный законопроект, необходимо проанализировать и решить проблемы толкования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, поскольку в данной норме уже содержится запрет на незаконный оборот средств платежа. А существующие проблемы реализации данной нормы на практике демонстрируют сложности в понимании предписаний закона.

В процессе криминализации общественно опасных деяний создается законодательная модель — конкрет-

ный состав преступления. При этом включение тех или иных признаков в качестве обязательных напрямую влияет на реализацию положений закона, а следовательно, затрагивает права человека и гражданина. Так, использование в конструкции признаков, вызывающих неоднозначное толкование, всегда будет сопровождаться опасностью необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Именно поэтому законодателю следует учитывать следующие проблемные аспекты, касающиеся конструирования состава преступления:

1. Достаточно сложным для толкования выступает прием законодательной техники в виде использования открытых перечней. Анализ действующего законодательства позволяет выявить, что чаще всего данный инструмент используется при отражении общественно опасного деяния и способа совершения преступления.

Наглядным примером проблем правоприменительной практики выступает открытый перечень действий сексуального характера в ч. 1 ст. 132 УК РФ. Н. В. Тыдыкова полагает, что данное понятие достаточно широкое, а его содержание может включать в себя прикосновения, поцелуи и т. д. [5, с. 54]. Однако отсутствие «ограничителя» приводит к дисбалансу между действиями сексуального характера, четко обозначенными в законе, и предположительно выведенными из всех возможных проявлений воздействия.

2. Включение таких признаков, установление в практической деятельности которых достаточно затруднительно. К примеру, проблематично установление цели в виде боли или страданий животного для квалификации действий по ст. 245 УК РФ. Недоказанность данной цели влечет невозможность привлечения к уголовной ответственности. Так, в апелляционном постановлении Железнодорожного городского суда Курской области оставлен без изменения оправдательный приговор в отношении Н., который, являясь директором птицефабрики, утилизировал 5810 голов цыплят. В связи с отсутствием цели на причинение страданий животным первоначальная юридическая оценка, представленная органами следствия, определена как неверная¹.

3. Применение при конструировании оценочных признаков, т. е. понятий, толкование которых зависит от усмотрения правоприменителя. В действующем законе чаще всего они используются для обозначения преступных последствий.

Продемонстрируем обозначенную проблему на примере самоуправства (ст. 330 УК РФ). В данном составе преступления закреплено преступное последствие в виде существенного вреда. Данное понятие не имеет четких критериев своего установления, а при отсутствии соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ его толкование вызывает значительные сложности. Ситуация осложняется еще и тем, что данные последствия выступают в роли кримиобразующих, т. е.

их неустановление влечет невозможность привлечения к уголовной ответственности.

Однозначно, что это может быть не только имущественный, но и физический вред. В научной литературе расширяются видовые разновидности такого вреда путем включения вреда морального, организационного, правам граждан и т. д. [6, с. 240–247]. Полагаем, что включение морального вреда, не имеющего конкретных критериев исчисления, с учетом возможности его истребования в гражданско-правовом порядке, при определении существенного вреда в самоуправстве не обосновано. Кроме того, вызывают вопросы минимальные размеры вреда. К примеру, существенность обязательно ли предполагает причинение вреда здоровью или же возможна его констатация при наличии ссадин, кровоподтеков? Полагаем, что подобный оценочный подход в определении существенного вреда неприемлем, поскольку речь идет о возможности привлечения лица к уголовной ответственности, в связи с чем считаем необходимым конкретизировать преступные последствия в рамках ст. 330 УК РФ.

В результате обозначенных положений можно утверждать, что не только обоснованность криминализации преступления, но и конструирование состава преступления тесно сопрягаются с обеспечением прав граждан. Неоднозначность предложенных законодателем конструкций закономерно приведет к несоблюдению указанных конституционных ценностей.

Наконец, обоснованность дифференциации уголовной ответственности также влияет на права человека, поскольку в этом случае речь идет о понижении или повышении наказания за ту или иную разновидность преступления.

В этой части аналогично криминализации должна соблюдаться обоснованность принимаемого решения. При сомнении в резком изменении общественной опасности в большую или меньшую сторону законодателю следует отказаться от осуществления градации ответственности. В качестве примера недостаточной обоснованности выделения квалифицированного состава выступает включение во многие конструкции признака использования информационно-телекоммуникационных технологий. Не оспаривая всеобъемлющее распространение сети Интернет, повышение вредоносности поведения с использованием указанного способа вызывает вопросы. В частности полагаем, что любое распространение наркотических средств обладает повышенной опасностью, а учитывая современные реалии проведения сбытов в своей основе только в сети Интернет, навряд ли можно утверждать об увеличении опасности данного действия.

При осуществлении дифференциации уголовной ответственности, создаваемый квалифицированный или привилегированный состав должен включать в себя только те обязательные признаки, которые обладают четким содержанием.

Нарушение обозначенного правила можно продемонстрировать на следующем примере — во многих

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1QfEfVXj0elt/> (дата обращения: 28.05.2025).

преступлениях применение насилия (опасного или не опасного) выделено в квалифицированный состав, при этом объем вреда, охватываемого конструкцией, вызывает вопросы как в теории уголовного права, так и в правоприменении [7, с. 134–135].

Например, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указано, что причинение тяжкого вреда здоровью при изнасиловании требует дополнительной квалификации, а иной вред охватывается рамками состава.

Другое правило предлагается в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». В частности, если при разбое причинен тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть, то содеянное квалифицируется по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Аналогичные разъяснения применительно к вымогательству представлены в постановлении от 17.12.2015 г. № 56 (п. 9), с той лишь разницей, что Верховным Судом РФ подчеркивается включение в состав еще и истязания.

В п. 1 (1) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершаемых из хулиганских побуждений» определено, что причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью требует дополнительное вменение соответствующих составов.

Множество преступлений, содержащих насильственный способ, не разъясняются Верховным Судом РФ, либо постановление принято, но данный вопрос не указывается (к примеру, в постановлении от 15.06.2006 г. № 14, посвященном преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств). И в таких случаях возникают существенные

затруднения в правоприменении, что приводит к разнобразию вынесенных решений.

Так, А. был осужден по п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ за склонение к потреблению М. наркотических средств путем истязаний потерпевшей в течение 3-х часов¹ (хотя в постановлении 17.12.2015 г. № 56 применительно к вымогательству предлагаются иные правила квалификации).

Вместе с тем на официальном сайте администрации Суземского района Брянской области прокуратурой разъясняется, что склонение к потреблению наркотических средств с применением насилия требует дополнительной квалификации только с ч. 2–4 ст. 111 УК РФ².

Итак, очевидно, что позиция Верховного Суда РФ относительно толкования даже самого распространённого квалифицирующего признака «применение насилия» достаточно неоднозначна.

Полагаем, подобный подход нарушает принцип законности, приводит к несоблюдению прав лиц, совершивших преступления, поскольку правоприменителями может даваться разная уголовно-правовая оценка, что напрямую влияет на наказание.

Заключение и вывод

Таким образом, следует констатировать, что уголовное законодательство, выступая гарантом обеспечения прав и свобод человека и гражданина, может реализовывать данную задачу только при условии обоснованной криминализации общественно опасных деяний и дифференциации уголовной ответственности, а также при включении в конкретный состав преступления только признаков с четким содержанием, при использовании исчерпывающих перечней и ограничении оценочных понятий.

¹ Приговор № 1-31/2024 1-327/2023 от 18 июня 2024 г. по делу № 1-31/2024. Михайловский районный суд Волгоградской области. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.05.2025).

² URL: <https://adminsuzemka.ru> (дата обращения: 28.05.2025).

Список источников

1. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 142 с.
2. Российское уголовное право. Т. 1: Преступление. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. 602 с.
3. Шеслер А. В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2002. Вып. 5. С. 25–32.
4. Тер-Акопов А. А. Бездействие как форма преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1980. 151 с.
5. Тыдыкова Н. В. Половые преступления: закон, теория, практика. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2023. 320 с.
6. Пинягина Е. С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 240–247.
7. Ермакова О. В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М.: Юрлитинформ, 2022. 384 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермакова Ольга Владимировна

Доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России
Россия, 656062, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49
E-mail: ermakova_alt@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4664-582X

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Ermakova

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Barnaul Law Institute Military of Interior of Russia
49 Chkalova str., Barnaul 656062, Russia
E-mail: ermakova_alt@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4664-582X

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 30.06.2025.

Дата рецензирования статьи / Revised: 17.05.2025.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.08.2025.
